

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1 9 8 6

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Б. А. Серебренников

В ПОИСКАХ ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

I. О ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Всеобщее распространение страдательного залога в тюркских языках дает известное основание предполагать его существование уже в тюркском праязыке.

Вместе с тем есть некоторые данные, свидетельствующие о том, что на ранних этапах существования тюркского праязыка страдательного залога не было. Любопытно отметить, что различные остатки древних причастий в современных тюркских языках очень часто имеют пассивное значение, но не содержат аффикса страдательного залога, ср. азерб. *бурма* 'крученный', тур. *уагта* 'расколотый', тув. *узук* 'разорванный', тат. *жимерек* 'разрушенный', тур. *kirgin* 'разбитый'.

По видимому, на этом основании Г. И. Рамстедт считал категорию страдательного залога в тюркских языках относительно поздним образованием и стремился доказать, что аффикс, являющийся показателем страдательного залога, первоначально был словообразовательным аффиксом.¹ К этой точке зрения склоняется также Э. В. Севортян.²

Действительно, в тюркских языках встречаются случаи, правда в настоящее время уже не многочисленные, когда аффикс -л- выражает многократное действие, ср. узб. *қувламоқ* 'преследовать' (энергично) от *қувмоқ*, 'преследовать', *буқламоқ* 'складывать' от *буқмоқ* 'гнуть', *саваламоқ* 'стегать', 'хлестать' от *савамоқ* 'бить', *қайталамоқ* 'возвращаться часто' от *қайтмоқ* 'возвращаться',³ тат. *сыйпала-* 'поглаживать' от *сыйпа-* 'гладить', *сибэл-* 'накрапывать' от *сиб-* 'лить' и т. д.

Однако непосредственно на базе многократного значения значение страдательного залога развиться не могло. Был необходим какой-то переходный этап, в котором уже наметились определенные условия для развития значения страдательного залога. Такие условия в тюркских языках действительно существовали.

Суффиксы с многократным значением, содержащие элемент -л-, широко использовались в тюркских языках для обозначения процесса накопления определенного качества. Обычно такие гла-

голы образуются от прилагательных, ср. азерб. *азал-* 'уменьшаться' от *аз* 'мало', *бошал-* 'пустеть' от *бош* 'пустой', узб. *енгилла-* 'облегчаться' от *енгил* 'легкий', *музла-* 'леденеть' от *муз* 'лед', тур. *kisala-* 'сокращаться' от *kisa* 'короткий', тат. *түгәркә-* 'закругляться' от *түгәрек* 'круглый', чув. *ватӓл-* 'стареть' от *ватӓ* 'старый', кирг. *арыкта-* (из *арык-ла-*) 'худеть' от *арык* 'тощий', казах. *жуанда-* (из *жуан-ла-*) 'толстеть' от *жуан* 'толстый' и т. д.

Нетрудно заметить, что в предложениях, содержащих глаголы этого типа, субъект действия фактически является пассивным, ср. русск. *человек худеет*. В данном случае процесс происходит совершенно независимо от желания самого субъекта. Пассивность субъекта послужила импульсом для переосмысления аффикса *-л-*, обозначавшего становление или увеличение степени определенного качества, в показатель страдательного залога. Аффикс получил новую функцию — показывать, что кто-то производит или производил определенное действие над субъектом, причем сам субъект остается при этом пассивным, ср. тат. *Хат языла* 'Письмо пишется' и т. д. Стремление формально дифференцировать две функции одного и того же аффикса привело к тому, что возник особый показатель страдательного залога *-ыл-*, *-ил-*.

В мордовских языках страдательная форма глагола образуется от действительных глаголов с помощью суффикса *-в-*, например: эрз. *Паксясь вельтяьсь ловсо*, мокш. *Паксясь вельтъяьсь ловса* 'Поле покрылось снегом'; эрз. *Эйкашитненень прядовсь тонавнемась* 'Детями закончено учење' (дословно: 'детям закончено учење'); эрз. *Пиземесэньт шляэсть сюротне* 'Дождем омылись хлеба'; мокш. *Колхозникненди тикшесь урядавсь* 'Колхозниками сено убрано'.⁴

Источник мордовского суффикса *-в-* найден. Это тот же суффикс, что и финский суффикс *-ри*, *-ру*, *-и*, *-у*, имеющий параллели и в других уральских языках. В финском языке этот суффикс имеет три значения: возвратное, транслативное и страдательное. Нам представляется, что первоначальным значением здесь было транслативное значение, т. е. становление определенного качества. В финском языке глаголы с таким значением встречаются, ср. *kuivua* 'сохнуть', *mustua* 'темнеть', *ruostua* 'ржаветь', *tylsyä* 'тупеть', *paisua* 'вздуваться', 'увеличиваться' и т. д. Позднее на базе этого значения могло развиться значение страдательного залога, ср. фин. *rakentua* 'строиться'.

Таким образом, путь образования значения страдательного залога здесь тот же самый, что и в тюркских языках.

Возвратный залог существует во всех современных тюркских языках. Показателем его служит аффикс *-н-*, *-ын-*, *-ин-*. Засвидетельствован он также во всех ныне существующих тюркских языках, отраженных в памятниках старой тюркской письменности. Есть все основания предполагать, что этот залог уже существовал в тюркском праязыке.

Конечно, было время, когда его не было. Значение возвратного залога явилось результатом переосмысления первоначального значения многократности действия. Можно найти в настоящее время ставшие уже довольно редкими глаголы, у которых аффикс *-ын-, -ин-* еще сохраняет свое прежнее значение, ср. тат. *сөйлән* 'говорить несколько раз' от *сөйлә* 'говорить вообще', *каран* 'посматривать' от *кара* 'смотреть', *сайлан* 'выбирать по несколько раз' от *сайла* 'выбирать', азерб. *гәзиммәк* 'прохаживаться', 'разгуливать' от *гәзмәк* 'ходить', 'гулять' и т. д. На основе многократного значения сравнительно легко может развиваться так называемое медиальное значение, выражающее действие, совершаемое в пользу субъекта, удовлетворяющее его личные интересы, ср. русск. *Он работал каждый день*. Действие здесь фактически многократное. Если действие совершается регулярно, каждый день, то чаще всего это происходит в тех случаях, когда действие имеет особое значение для его совершающего, т. е. действие совершается в интересах субъекта, занимающегося этим делом.

Ярким подтверждением того, что в тюркских языках развитие многократного аффикса *-ын-, -ин-* могло происходить только таким путем, могут служить данные якутского языка, ср. як. *тиэнэбин* 'я вожу себе [сено]', *маста кэрдин* 'наруби себе дров', *уута баһын* 'натаскай себе воды', *дьиэтэ булуң* 'найди себе квартиру'.⁵

Действие, совершаемое в интересах субъекта, может быть ассоциируемо с действием, направленным непосредственно на субъект, ср. тат. *мин ю-ын-ам* 'я умываюсь', т. е. 'мою самого себя'. Таким образом, медиальное значение в тюркских языках превратилось в значение возвратного залога.

Тот же путь развития страдательного залога мы находим и в пермских языках.

В языке коми страдательный и возвратный залого имеют один и тот же показатель — суффикс *-сь*, например: *пальто вурсьö* 'пальто шьется' и *көдыд вайн мысьсьыны* 'умываться холодной водой'.

В удмуртском языке также употребляется общий суффикс *-ськы, -иськы* для выражения страдательного и возвратного залогов, ср.: *бусы тракторен гыриське* 'поле пашется трактором' и *дицяськыны* 'одеваться'.

По происхождению оба суффикса являются многократными суффиксами. Вместе с тем известно, что как в коми, так и в удмуртском эти суффиксы могут иметь значение медиального залога, ср. в коми: *Учитель тиöктис велöдчысьяслы гижны предложение вит глаголön. Ичöтик Юрка гижис: «Мамö пусьö, чышкысьö, вурсьö, гладитчö, пеласьö»* (Чушканзи) 'Учитель предложил ученикам (букв.: приказал написать) предложение с пятью глаголами. Маленький Юрка написал: «Мама варит, метет, шьет, гладит, стирает»'. Во всех этих пяти глагольных формах суффикс *-сь* показывает, что мать варит, метет, шьет, гладит и стирает для себя и для своей семьи, т. е. делает это в свою пользу.

В некоторых пермских языках значение возвратного залога, как и в тюркских языках, возникло на базе медиального значения. По причинам известной близости возвратного и страдательного залогов суффикс возвратного залога стал также выражать и значение страдательного залога.

II. О СОСТАВЕ АФФИКСА ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ -ЛЫҢ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркских языках имеется несколько форм аффиксов относительных прилагательных: а) аффикс *-лы*, *-ли*, ср. тат. *айлы* 'лунный', кум. *тузлу* 'солёный', тур. *atlı* 'конный', каз. *тасты* 'каменистый' (из *таслы*), турк. *гарлы* 'снежный', ног. *тавлы* 'гористый' и т. д., б) *-лу*: — кирг. *жылдыз-дуу* (из *жылдыз-луу*) 'звездный', алт. *салкындугу*: 'ветренный' (из *салкын-луу*); в) *-лаах*: як. *тыал-лаах* 'лесистый'; г) *-лыҥ* — др.-тюрк. *қарлыҥ* 'снежный', хак. *азырлыҥ* 'ветвистый', тув. *дагыҥ* 'гористый', шор. *канаттыҥ* 'крылатый' из *канат-лыҥ*, тоф. *маллыҥ* 'имеющий скот', чул.-тюрк. *та:длыҥ* 'вкусный'.

Все эти разновидности аффиксов относительных прилагательных восходят к архетипу **-лы:ғ*, который когда-то был показателем совместного падежа, или комитатива. Форма *атлы:ғ* когда-то имела значение 'с лошастью'. В древнем аффиксе *-лығ* выделяется элемент *л*, который собственно и обозначал идею совместности. Он, по-видимому, генетически связан с аффиксом собирательной множественности *-л*, ср. окончание мн. числа *-лар*, а также аффикс собирательной множественности *-лыҥ*, ср. тат. *нарат-лыҥ* 'сосняк', *каен-лыҥ* 'березняк' и т. д.

III. О ВОЗМОЖНОЙ СВЯЗИ АФФИКСОВ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАКЛОНЕНИЙ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛАТИВОВ (НАПРАВИТЕЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ)

А. Н. Кононов, рассматривая вопрос о происхождении настоящего-будущего времени в турецком языке типа *окит-ит* 'я читаю вообще', 'я прочитаю', высказал предположение, что аффикс *-ar*, *-er*, возможно, восходит к форманту дательного-направительного падежа *-gar*, *-ger*, *-garu*, *-gerü*, который и поныне сохраняется при местоимениях в кумыкском, ногайском, татарском языках; в якутском языке с помощью этого аффикса образуется дательный падеж с аффиксом принадлежности. Этот аффикс сохранился при словах типа *içeri* < *içkeri*.⁶ На первый взгляд такая связь может показаться маловероятной. Однако более внимательное исследование этого вопроса показывает, что она не исключена.

Значение будущего времени в различных языках часто развивается на базе какого-нибудь модального значения. Модальное значение часто проецировано в план будущего. Для выражения плана будущего язык мог воспользоваться аффиксами лативных

падежей, ср. коми-зыр. *муна-с* 'он пойдет' и эрзя-морд. *кудо-с* 'в дом', тат. *язмак-чы булам* 'я намереваюсь написать' и тув. *хөл-че* 'к озеру', тур., азерб. *ал-а-м* 'возьму-ка я' и *суј-а* 'в воду' и т. д.

IV. ОТКУДА ПРОИСХОДИТ ПОКАЗАТЕЛЬ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ -ДЫР-?

В некоторых тюркских языках Сибири — хакасском, алтайском и чулымско-тюркском — существует настоящее время с показателем *-дыр-*, ср. в хакасском:

Настоящее обычное на *-дыр*

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. <i>сани-дыр-бын</i> 'я считаю обычно'	1-е л. <i>сани-дыр-быс</i> 'мы считаем обычно'
2-е л. <i>сани-дыр-зын</i> и т. д.	2-е л. <i>сани-дыр-зар</i> и т. д.
3-е л. <i>сани-дыр</i>	3-е л. <i>сани-дыр-лар</i>

Происхождение этой формы объясняется довольно просто. Эта форма образуется путем присоединения к деепричастию на *-а/-е* аффикса *-дыр/-дир* (<*тур-* 'стоять').⁷

Если это действительно так, то почему же глагол *тур-* 'стоять' сменил огласовку корня? Почему *у* сменилось на *-ы*. По всей видимости, здесь участвует не глагол *тур-*, а аффикс многократного действия, обнаруживаемый в таких формах, как тат. *языш-тыр-а* 'пописывает', *уйлаш-тыр-а* 'подумывает' и т. д.

V. О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ В КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, некоторые окончания падежей в кыпчакских языках отличаются от соответствующих окончаний падежей в огузских языках. Родительный и винительный падежи в кыпчакских языках имеют наращение *-н*, ср. тат. *кыз-нын* 'девушки' — тур. *kızın*; тат. *кызны* 'девушку' — тур. *kızı*; тат. *авыл-га* 'в деревню' — тур. *kıza* 'девушке' и т. д.

Объясняется происхождение этих падежей довольно просто. Нарращение *-н* в кыпчакских языках проникло из сферы местоимений, где произошло переразложение основ и конечный *-н* основы местоимения отошел к падежному окончанию. Происхождение *-н*, *-р* вообще неизвестно.

Нам представляется, что эта проблема не лингвистическая, а скорее лингво-техническая. В кыпчакских языках просто произошло укрепление слабоформленных падежей, окончания которых состояли из одного слога или из одного гласного. Чтобы

предохранить такие слабооформленные падежи от фонетического выветривания, кыпчакские языки укрепили эти падежи различного рода наращениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 149.

² *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 94.

³ *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960, с. 270.

⁴ Грамматика мордовских языков. Саранск, 1962, с. 254.

⁵ *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л., 1963, с. 79.

⁶ *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 225, 226.

⁷ Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 204.